

«... На самом деле следовало бы в письмах помещать над словами ноты» пишет М. Лермонтов в письме к М. Лопухиной, а позже в «Герое нашего времени» повторяет эту идею: «...разговоры, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере». Слова достойные истинного музыканта! Как гимн интонации, произносимому, звучащему слову, звучащей интонации, в которой нечто не передаваемое только словом, но заключающемся в созвучии звучания, в их музыкально – поэтическом выражении, в непостижимом звучании лермонтовского стиха и его поэтической прозы, сформировавших мировоззрение целого поколения.

«Лермонтов исповедался в своей поэзии, и, перелистывая томики его сочинений, мы можем прочесть историю его души и понять его как поэта и человека» (И. Андроников).

Выводы. Нас не может не восхищать личность М. Лермонтова, последовательность и бескомпромиссность натуры, главенствование над обстоятельствами собственной жизни. Всесторонняя природная одаренность, редкостная память, музыкальный слух и голос, развитие благодаря полученному образованию, несомненного живописного таланта, не говоря уже о самом главном – создании своих выдающихся стихотворных и прозаических произведений, которые позволили ему сделать существенный вклад в отечественную культуру и сформировавших мировоззрение целого поколения.

Источники и литература:

1. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 334 с.
2. Пашковская Л. Л. Творчество Г. Сковороды как феномен украинского преромантизма / Л. Л. Пашковская // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия : Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2014.– Т.27(66),– №1.– С. 176–177.
3. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992.
4. Фромм Э. Человек для самого себя. // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993.
5. Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Юнг К. Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991.
6. Юнг К. Г. Феномен Духа в искусстве и науке // Юнг К. Г. Собрание сочинений : В 19 т. – М. : Ренессанс, 1992.

Синичкин А.В.

УДК 008:911.375.5:82-6

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Аннотация. В данной статье рассматриваются рабочие поездки В.И.Вернадского в Европу и Америку в конце XIX – начале XX века, в результате которых он проходил стажировку и ознакомился с местной культурой. Целью работы является анализ полученных впечатлений и их влияние на духовный мир ученого. Многочисленные посещения (с оказией) В.И.Вернадским достопримечательностей европейских и американских городов свидетельствует о его разностороннем характере главного исследования его жизни – истории «человеческой культурной мысли».

Ключевые слова: путешествия, В.И.Вернадский, духовная культура.

Анотація. В даній статті розглядаються робочі поїздки В.І.Вернадського в Європу і Америку в кінці XIX - початку XX століття, в яких він проходив стажування та ознайомився з місцевою культурою. Метою роботи є аналіз отриманих вражень та їх вплив на духовний світ ученого. Численні відвідування (з okazjiю) В.І.Вернадским пам'яток європейських і американських міст свідчить про його різнобічний характер головного дослідження його життя - історії «людської культурної думки».

Ключові слова: подорожі, В. І. Вернадський, духовна культура.

Summary. This article discusses working Vernadsky trips to Europe and America in the late XIX - early XX century, as a result of which he was an intern and got acquainted with the local culture. The aim is to analyze the obtained experiences and their influence on the spiritual world of the scientist. Numerous visits (with a convenient opportunity) V.I.Vernadsky attractions of European and American cities is evidence of its many-sided character of the main study of his life - stories of "human cultural thought."

Keywords: Travel, Vernadsky, spiritual culture.

Начиная с 90х годов XIX века и в первом десятилетии XXвека В.И. Вернадский много времени проводит в Западной и Восточной Европе. Это были путешествия-экспедиции, целью которых был сбор минералогических коллекций, посещение университетов, научных институтов, общение с учеными. Но следует обратить внимание, что Вернадский большое внимание уделял «культурной программе» и особенным для него местам, связанных в его понимании с развитием человеческой культуры и мысли: художественные музеи, театры, научные центры, знакомство с архитектурой – древней и современной. Так, он посетил Дрезденскую галерею, родину Коперника и Гуттенберга, греческие и римские памятники – Форум, Парфенон, Акрополь и другие.

Все эти поездки стали предметом его раздумий, получили освещение в многочисленных письмах Наталье Егоровне и детям. Эти письма представляют собой своеобразные дневники-отчеты, но наполнены они не сухим перечнем мест, встреч, событий, а эмоциональными описаниями, анализом увиденного и услышанного, интересными сопоставлениями истории культуры и современности.

Впечатления от пребывания в польских городах, размышления по поводу истории, культуры народа ученый изложил в письмах Наталье Егоровне в июле 1894 года.

Он побывал в древней столице Польши – Кракове, но первые впечатления получил от встречи с Варшавой, которая представилась Вернадскому «огромным европейским городом» [1, с. 101]. Рассуждая о трудных взаимоотношениях двух славянских народов, мыслитель, в сущности поднимает вопрос о диалоге культур, отсутствие которого приводит к «национальной и религиозной нетерпимости». Эти же симптомы он видит и в Кракове: «больно и тяжело это чувствую».

В письме – из Львова, от 11 июля 1894 года, Вернадский продолжает анализировать польские впечатления, но вводит в круг своих размышлений новые моменты – памятники архитектуры и скульптуры в Кракове, посещение выставки живописных произведений в Краковском соборе и другое. Очевидно, что польская эпопея ученого оставила и зрительные, и духовные образы польской действительности и глубоко запала в духовную среду ученого, о чем свидетельствуют неоднократные к ней обращения в скором будущем [2].

В результате поездки в Европу в 1902 году, Вернадский активно занялся подготовкой нового курса по истории естествознания. Ученый 17 июля 1902 года писал из Берлина: «... передо мною раскрывается такая необъятная, плохо разработанная отрасль [истории мысли, *авт.*]...: Неморарий, Парацельс, Дависсон, Бартолин и т.д.» [3, с.122]. Влияние научного мира и истории науки Европы Вернадский явно ощущал на себе. Уже осенью этого же года ученый начал читать в Московском университете свободный курс по истории естествознания [4].

С конца июня по конец августа 1909 г. Вернадский совершал длительное путешествие по Западной Европе. Месяц отдыхал с женой и дочерью в Мюнстере, затем семья поехала в Гейдельберг, Беатенберг, в Люцерн. Один он посетил Дрезден и другие города Германии. Совершил путешествие в Италию, где посетил Рим, Неаполь и другие места; Грецию – Афины, Патры, Олимпию, затем – Константинополь, Софию, Яссы.

5/18 августа 1909 г. Вернадский писал жене из Италии, высказывая свои мысли, рожденные осмотром Неаполя, Рима; из Греции – Афин, Олимпии и других мест.

«Все утро вчера до поезда бродил с книгой Гейссена в руках по Форуму. Масса роится мыслей, и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания и таких антикварно-художественных прогулок. Мысли бегут и их не поймать, а хотелось бы набросать то, что внезапно является и что так тесно связано со всем ранее продуманным и узанным» [5, с. 30].

Подробно описывает путешественник свои итальянские впечатления. Тут и юмор по поводу того, что впервые в жизни «сделал экскурсию на осле, в примитивной двуколяске. Осел не всегда хотел идти, куда мы хотели, но в конце концов с приключениями мы сходили с ним»; и наблюдения за обычаями жителей.

В письме от 19/25 августа 1909 г. из Неаполя Вернадский подробно описывает свое восхождение на Монте Сому и Везувий: « Больше 25 километров пешком по солнцу и среди бездорожья. <...> Немного устал». В то же время жалеет, что не было фотоаппарата – «фотографии»: «Знаешь, особенно вчера и страшно жалел, что не было фотографии – удивительно красив и интересен был Везувий» [5, с. 33].

Посещение греческих культурных центров – Афин, Олимпии – рождает мысли о законах развития творческих процессов, что также становится одной из тем переписки с Н.Е. Вернадской. Размышляя о современной ситуации в Греции, ученый сопоставляет прошлое и настоящее культуры греческого народа, не видя перспектив в развитии государства: «Небольшой народ – остаток великого прошлого!». Именно это «великое прошлое», осмотр «музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах», «посещение развалин» – «меланхолической красоты разрушения» – все это вызывает новые мысли ученого о взаимосвязи прекрасного и поиска научных истин.

Интересно, что в письме жене Вернадский описывает сам ход своего мыслительного процесса: «Станным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали, как живые, далекие впечатления, виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыслям о законах человеческого творчества». От конкретного – к обобщениям, от эмпирических фактов – к законам развития творчества. «В общем они всюду одни и те же – в религии, науке, искусстве». Вернадский четко и афористично оформляет эту мысль: «Быстрое достижение предела, а затем такая же возможность упадка» [5, с. 36–37].

Рассматривая мысли В.И. Вернадского, касающиеся закономерностей развития человеческой культуры, мы обращаемся к концепции И. Пригожина – синергетике, предметом которой является проблема самоорганизации: от хаоса к порядку. Процесс, продолжающийся непрерывно, имеющий волнообразный характер: порядок (космос) чередуется с хаосом (периодом бифуркаций), воплощая как организующее, так и дезорганизующее влияние на развитие культуры. «Синергетику современные ученые называют синергетикой процессов конструирования человеком его окружающей среды на основе общих законов самоорганизации космоса» [6, с. 345].

В.И. Вернадский видел, понимал, что в «упадке» как периоде развития культуры заключено и смыслообразующее начало со знаком «плюс». Совершив поездку в Олимпию, ученый вновь вернулся к мыслям о будущем культурного процесса: «Меня интересует чувствовать будущие шаги человеческой мысли и человеческого сознания в предположении их неуклонного роста. И я стараюсь фантазией и мыслью почувствовать это будущее в проблесках нового, что теперь является в науке. <...> В науке я всюду вижу зарождение этих новых ростков...». Свою цель мыслитель видит в том, чтобы идти будущему навстречу, стараться ввести зачатки нового в наше мировоззрение, что поможет «обеспечить возможно долгий неуклонный прогресс человеческого знания» [5, с. 38].

Значительный интерес представляют письма В.И. Вернадского к жене, в которых отразились его впечатления от поездки в Канаду и Америку в 1913 г.

Вместе с академиком Ф.Н. Чернышевым и старшим ученым хранителем Геологического и минералогического музея им. Петра Великого И.П. Толмачевым Вернадский был направлен Физико-математическим отделением Академии наук в Торонто для участия в XII Международном геологическом конгрессе, который проходил 7–14 августа 1913 г. В связи с этим ученый должен был отказаться от Радиевой экспедиции, которая должна была проходить в Сибири, в районе Байкала. / О своем интересе к проблеме, связанной с исследованием радиоактивных минералов, Вернадский сообщал жене из Парижа, где посещал лабораторию М. Кюри – письма от 3/16 и 5/18 января 1910 г.

Поездка в Канаду началась с морского путешествия, и одно из первых писем написано на корабле по пути из Ливерпуля в Квебек: «Атлантический океан, воскресенье, 27.VII.913. <...> Понедельник. 28.VII.913, днем. <...> Вторник. 16/29.VII.913» – т.е. письмо создавалось три дня. Следующее написано уже из Квебека – 1/20.VIII.913, пятница, утро» [5, с. 127–130].

Считаем необходимым достаточно подробно остановиться на письме к Наталье Егоровне: оно раскрывает своеобразие эпистолярных текстов Вернадского, отразивших особенности его личности: духовную связь с семьей, женой, талант эссеиста, синтез научных интересов и эпистолярного творчества. Картина моря, к которой автор обращается в трех письмах, – яркий пример экфрасиса, о сущности которого было отмечено выше.

Как опытный путешественник, Владимир Иванович прежде всего сообщает о погоде, о местности – т.е. об океанском просторе. Отметим, что еще в детстве (было приведено выше) он увлекался романом И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада», особенно описанием морских путешествий. Картина моря в разные периоды дня, в различных состояниях (ветер, штиль и т.п.) отличается поэтичностью, метко наблюденными деталями, анализом своего состояния. Приведем описание дня 14 июля 1913 года: «Дорогая моя Наталочка, вот уже еду третьи сутки. Пустынное море. Вчера исчезли последние птицы, которые еще вчера до обеда, все уменьшаясь в числе, летели за кораблем. Нет ни встречных пароходов, никакого движения. <...> Пока погода была благоприятная. С вчерашнего дня начались признаки ухудшения <...> С утра идем среди волнующейся ряби, среди всюду пробегающих барашков, и часа три тому назад появились плоские, но широкие волны. Корабль хороший и крепкий и быстро бежит вперед навстречу свинцовому, покрытому тучами небу.

А ветер с утра неустанно крепнет. Все с утра становилось холоднее. И сейчас в библиотеке, где я пишу, зажжется электрический «камин». Чернышев предсказывает сильную качку, сильный ветер, бурю. Будет ли это долго? Или быстро пройдет и выйдем опять в хорошую погоду?» [5, с. 127].

Следующая ночь принесла качку, усиление ветра, но уже утром море утихло. Понедельник, 28.VII.913, днем. «Ночь пришла с качкой, но не очень сильной. <...> А затем сейчас безмолвное холодное море, туман, серая рябь волн. Полная водяная пустыня, полная однообразных красок. Говорят, таково северное море-океан. Сегодня, говорят, были птицы, а мы как раз посредине между Ирландией и Ньюфаундленом. Переваливаем уже на американскую сторону» [5, с. 128].

Несколько свободных дней на корабле Вернадский отводит на чтение. И об этом – Наталье Егоровне. Его мысли – об Америке, ее истории, ее роли в «мировой политической жизни», расовой проблеме. Но главное – всеобъемлющая сила научного знания: все больше число «дел» проникается «точным научным мышлением».

В письме Наталье Егоровне Вернадский описал свое впечатление от американской жизни: рост и сила свободной высшей школы, положение университетов, широкие возможности для научной работы. Так, в письме от 3 августа/21 июля 1913 г. из г. Кингстона ученый писал жене: «Университет растущий...<...> Среди профессуры стремление к организации научной работы. Обилие высшего образования, его разнообразных форм, здесь резко бросается в глаза. Ярко вырисовывается и помощь частных лиц».

В то же время Вернадский отмечает детали, «мелочи жизни», напомнившие ему Россию: «плохие, русского типа дороги, деревянные «пешеходы», засаленные и грязные станции, грязные улицы, кое-где мощенные уже досками». Но – резкие контрасты: «новейшие машины, на полях (но теперь они и у нас, хотя бы, например, среди прикубанских или зауральских степей), элеваторы, доки и т.п.».

Поражает его и «гораздо большее проникновение русских, чем я это представлял. Русскую речь мы здесь иногда слышим». Отмечается «нашествие» русских мужиков с Владивостока в Колумбию...» [5, с. 133].

Письма к жене полны раздумий и к судьбе России: судьба «русской Аляски», которая «была отдана русским правительством по его невежеству и преступному легкомыслию».

Упоминания о миграции русских рабочих, «зажиточных мужиков» и других работников, Вернадский ставит вопрос, полный недоумения: «Идет неустанно творение нового племени на новых местах – в пользу англосаксонской расы?» [5, с. 134]. Следует отметить гражданскую позицию великого ученого, обеспокоенность его судьбой народа и родины, положением науки и образования в начале XX века. Актуальность этих мыслей сегодня, в начале XXI века, не вызывает сомнений.

Знаменательно окончание письма из Кингстона от 3 августа/21 июля: «Дождь перестал и идет колокольный звон – другой, чем в России, но схожий – а против церковь – но не готическая, а в романском стиле, близка по внешнему первому грубому впечатлению к нашему византийскому или русскому. Как странны эти аналогии внешней структуры!» [5, с. 135].

А.С. Пушкин писал: «Бывают странные сближения».

Анализ писем из Европы и Канады дает возможность представить наиболее полно духовную жизнь Владимира Ивановича Вернадского, не только его мысли о науке, искусстве, но и взаимоотношения с

Натальей Егоровной, единство интересов в их семье, духовное единство, что, несомненно, давало великому ученому опору в жизни и творчестве.

Большой интерес представляют и письма В. И. Вернадского из Соединенных Штатов.

«Чикаго первый огромный американский город, который я видел», – пишет Владимир Иванович жене 26 августа 1913 года утром. Проблемы, появившиеся после осмотра города, те же, что и в Канаде. Но действительность – иная. Вернадский в тексте использует такие определения, как «огромный», «большой», «новое зрелище», «велик размерами», «роскошь университетского образования» и т.п.; чувства его определяются понятиями: «поражает», «открытие», «различные начинания» и т.п. Небоскребы – «совершенно новое зрелище»: «...небоскребы с 21 этажом, с огромной колоннадой внизу даже красивы. Поражает банковый квартал, с огромными дворцами-банками. Впечатление, что банки здесь храмы» [5, с. 149].

Но Вернадский видит и контрасты Чикаго: он не весь состоит из небоскребов! Здесь масса «низких маленьких домиков»; «Здания не красивы»; несмотря на то, что город «переполнен парками», в нем «нет той красоты города, которая, например, чувствуется в Париже или Москве».

Итоги этой поездки также отражены в эпистолярном наследии: это письма Наталье Егоровне, сыну Георгию и дочери Нине.

8 августа/26 июля 1913 г. – жене: «Здесь многое нам чуждо. Поражает какое-то не то фаталистическое, не то безучастное отношение к человеческой жизни в вопросах business`а и даже быта». 23/10 августа 1913 – дочери: «Подымается новая, богатая страна, с огромным будущим. Всюду вера в это будущее. Меня не прельстило бы работать здесь, как, например, прельщает некоторых».

В письме Георгию от 13–14 сентября 1913 года, после поездки в Америку, 50-летний ученый подводит некоторые итоги своей полувековой жизни и научной деятельности. Представляется, что этот отрывок, как и предыдущий, следует привести полностью, настолько он характерен для духовного облика Вернадского. Слова ученого, адресованные сыну, могут быть своеобразным подведением итогов его 50-летней жизни и деятельности: «Мне 50 лет, но мне кажется, я далеко еще не достиг в своем научном развитии того предела, где кончается не учение только, но понимание окружающего. Часть того, что поднялось теперь во мне, касается многих впечатлений и мыслей моей молодости, – того, чего я почти не касался эти годы, но что, как теперь вижу, или оказалось верным, или же вполне доступно научным исследованиям в научной обстановке нашего времени, и не было доступно лет 20 назад. Но часть мнений и стремлений, во всяком случае – новые» [5, с. 265].

Многочисленные поездки и посещения достопримечательностей европейских и американских городов свидетельствуют о бесконечном росте его духовного развития и разностороннем характере главного исследования жизни ученого – истории «человеческой культурной мысли».

Источники и литература:

1. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1893 – 1900. – М. : Техносфера, 1994. – 368 с.
2. Синичкин А. В. Польская культура в эпистолярном наследии В. И. Вернадского // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. серия : Философия. Культурология. Политология. Социология. Симферополь, 2013. Т. 24 (65), – № 3. – С. 259–265.
3. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1901 – 1908. – М. : Наука, 2003.
4. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1981. – С. 32 – 185.
5. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909 – 1940. – М. : Наука, 2007.
6. Шванева И. Н. Ноосферная психология : наука, образование, практика / И. Н. Шванева. – Симферополь : Феникс, 2008. – 401 с.
7. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. – М. : Наука, 1981. – 350 с.